

Михаил ГАУЗNER

БЕРТА

*Легче ямы обойти,
Если рядом путь пройти.*

*И хоть быстро этот путь
Умудрилсь промелькнуть,
Рядом дочка, рядом внук;
К счастью, есть друзья вокруг.*

*Остается пожелать
Долго вместе путь держать,
И здоровыми нам быть,
И, как смолоду, любить!*

Эти пожелания сбывались много лет на радость нам и всем близким.

Пятого августа 2012 года должна была состояться наша "золотая свадьба". К сожалению, этот день впервые за пятьдесят лет уже не был таким радостным. Но об этом — позже.

Итак, началась наша совместная жизнь. Первый год Берта, получившая диплом учителя математики, не могла устроиться на постоянную работу. Еще на пятом курсе институтский преподаватель профессор Рутман оценил одну из её работ, положенную на студенческой научной конференции, как основу будущей диссертации. Он предложил Берте временную работу ассистента на руководимой им кафедре высшей математики гидрометеорологического института, и она проработала там более полугода.

Через некоторое время профессор, опустив глаза, рассказал Берте о своём разговоре с ректором, из которого стала ясной невозможность её перевода на постоянную работу из-за неблагозвучной фамилии.

И вдруг в 1963 году произошло чудо: в знаменитой не только в Одессе специализированной физико-математической школе № 116 неожиданно перед самым началом учебного года уволился учитель математики. Директор школы А.И. Кудинова, оказавшись в безвыходном положении, вынуждена была взять на работу в старших классах (а других в этой школе не было) недавнюю выпускницу института, внешне совсем девочку, без серьёзного опыта работы. Конечно, Алевтина Ивановна, светлая ей память, очень рисковала.

Первого сентября, за полчаса до звонка на первый урок, Берта с понятной робостью потихоньку заглянула в приоткрытую дверь выпускного класса, где ей предстояло стать не только учителем математики, но и классным руководителем. Ребята, многие из которых были выше её на голову, увидели хорошенькую девочку и закричали: "Новенькая? Давай, заходи, познакомимся!"

Берта благополучно не вступила в дискуссию и после звонка, вооружившись классным журналом, с серьёзным выражением лица вошла в класс. Немую сцену можно не описывать.

Как ни странно, нормальные отношения со взрослыми учениками установились у неё практически сразу, хотя разница в возрасте между ней и ими была всего лет шесть — семь. У Берты было природное умение владеть ученической (а потом — и любой) аудиторией без особых усилий.

Проблем с дисциплиной и вниманием учеников на уроке у неё с самого начала не было. Проиллюстрирую это курьёзным примером. В их школе преподавал астрономию отстав-

ной военно-морской офицер высокого ранга. Однажды в учительскую вбежала одна из коллег и крикнула Берте: "Бегите в свой класс, там творится что-то невообразимое!"

Берта поднялась на 4-й этаж и через приоткрытую дверь класса увидела, что её велико-возрастные ученики приподнимают коленями парты и дружно двигают их вперёд, загоняя в угол учительский стол вместе с сидящим за ним преподавателем. При этом их руки скромно сложены одна на другой, на лицах ангельское выражение, а через сомкнутые губы раздаётся дружное однотонное мычание. Преподаватель, привыкший в своей долгой офицерской жизни командовать коллективами военных моряков, растерянно и безуспешно пытается прекратить это безобразие.

Берта тихо раскрыв дверь и встала в её проёме без единого слова, скрестив руки на груди. Увлечённые ребята сначала её не заметили; потом стало испуганно звучать: "Берта, Берта!" — и парты задвигались в обратном направлении. Когда восстановилось первоначальное состояние, она спокойно спросила: "Всё? Успокоились? Надеюсь, что больше такое не повторится и вы меня не будете подводить". И действительно: они её больше не подводили.

Берта умела разрядить обстановку на уроке шуткой, иногда ненадолго отвлечь уставших учеников вроде бы несерьёзным неожиданным вопросом или конкурсом, создать ситуацию азарта, а потом успеть вернуться к основной теме.

В первые годы ей очень помогли осваивать профессию опытные коллеги — математики З.О. Гройслайт, М.Л. Духовная и другие замечательные учителя легендарной 116-й. Трудно переоценить доверие А.И. Кудиновой, которая поручила молоденькой учительнице очень ответственное дело — ежегодно готовить школьную команду на всесоюзные слёты физико-математических школ.

Берта организовывала общешкольные конкурсы по разным предметам. Конечно, их готовили (кроме математики) учителя других дисциплин — физики, химии, литературы, истории, биологии и др. Результаты конкурсов определяли победителей, из которых составлялась школьная команда, с которой Берта ездила на слёты.

В разные годы они побывали в Москве, Новосибирске, Ленинграде, Тбилиси, Горьком, Киеве и многих других городах, где были такие школы, по очереди проводившие всесоюзные слёты. Как правило, команда 116-й ежегодно привозила несколько дипломов за первые и другие призовые места.

В 116-й школе в основном учились отобранные по конкурсу неординарные дети, обладавшие повышенными способностями не только в области точных наук. Они были разносторонне развитыми, глубоко интересовались литературой, поэзией, историей, филологией, иногда обладали завышенной самооценкой и поэтому зачастую задавали весьма непростые вопросы.

И Берта оказывалась на высоте. Она никогда не вралась своим ученикам, находила нужные слова и объяснения. Факт, что до самого последнего времени эти уже давно взрослые и, как правило, серьёзно состояв-

Искра проскочила между нами не сразу. До этого около года мы были, как говорится, "шапочно" знакомы: встречались несколько раз у общих приятелей, перед входом в филармонию или театр; несколько раз вместе с её друзьями я бывал у неё дома.

Однако ничего личного у меня не возникало, хотя Берта была не только очень красива (на неё заглядывались практически все молодые мужчины), но и обладала каким-то особым, неповторимым естественным обаянием. Но вот — не зацепило меня тогда, и всё ограничилось весёлым, непринуждённым общением.

В конце апреля 1962 г. я пошёл, как обычно, со своими друзьями в поход по горному Крыму. Вернулись 5 мая — счастливые, загорелые, традиционно заросшие многодневной щетиной. Как было у нас принято, вечером этого дня, приведя себя в цивилизованный вид, пошли отмечать окончание похода, на этот раз — в "Жемчужину" (был такой летний ресторан в Аркадии).

Мой друг Эдик Сирота, которого я в том году впервые приобщил к туризму, пришёл с Бертой, своей давней знакомой (нашими правилами это допускалось). Вот тогда и проскочила та самая искра; как оказалось — взаимно.

Море, лунная дорожка, слабый шум прибоя... Никого вокруг мы уже не видели и не слышали. Не помню, где, удрав из ресторана, гуляли, взявшись за руки (не более того!), о чём говорили и не могли наговориться. Видимо, впервые оба почувствовали родство душ.

Придя в середине ночи к её дому, мы увидели положенный на ручку двери квартиры довольно большой по размеру ключ (в платье для ключа места не было, и Эдик, как истинный джентльмен, носил его в своём кармане). Сверху лежала записка: "Будьте счастливы!" — он всё понял. Это было нетрудно — на наших лицах всё читалось.

Потом мы встречались практически ежедневно, хотя Берта оканчивала последний курс института, предстояли зачёты и госэкзамены.

В июне я уехал в давно оформленную двухнедельную турпоездку в Чехословакию, звонил ей из каждого города, а в Праге и Братиславе получил её письма, отправленные до востребования. В Одессе Берта встретила меня на вокзале. Сойдя с трамвая, мы шли через Городской сад. Присели на скамейку, и я, предварительно не обсудив это с родителями, сделал ей предложение, принятое без единого слова.

Вечером мы поехали к морю. Сидели на скамейке у обрыва на 12-й станции Б. Фонтана, смотрели на лунную дорожку и, взявшись за руки, молчали — слова не были нужны.

Неожиданно сзади послышался шум, и нас окружила группа возбуждённых молодых парней. Мы успели вскопичить, и я немедленно получил сильный удар в челюсть.

Увидев, что два парня держат Берту за руки (без агрессии, аккуратно, но держат!), я замахнулся кулаком на ударившего меня рослого крепыша и услышал крик: "Миша, нож!" Чуть опустив глаза, я увидел приставленное к животу лезвие финки и усилием воли с трудом удержал занесённую для ответного удара руку.

Потом выяснилось, что местные ребята приняли меня за другого, "городского", обидевшего одного из них, и даже извинились. Так ли это было на самом деле — не знаю, но легче от этого не стало.

С трудом мы добрались до стоматологической клиники, где мне диагностировали полный перелом челюсти (врач сказал, что такой удар мог быть нанесён тренированным человеком и только касетом). Берте пришлось ночью звонить из уличного телефона-автомата моим родителям, которые о её "ранге" новости ещё не знали...

В июле я заканчивал первый не только в моей конструкторской жизни, но и на всём заводе радиально-сверлильных станков очень серьёзный проект алмазно-расточного станка высокой точности и работал допоздна.

Бланк заявления в загс мы заполнили во время моего обеденного перерыва в комитете комсомола завода, и Берта, всё правильно поняв, как-то умудрилась с моим паспортом подать заявление сама.

Пятого августа 1962 г. мы поженились и прожили вместе 50 счастливых лет. Этот день ежегодно был одним из самых ярких и веселых наших праздников. Ко дню 40-летия свадьбы я написал:

*В шестьдесят втором году
Плохо знал, на что иду,
И как строится семья,
Представлял неважно я.*

*Было всё за сорок лет:
Много радостей и бед,
Много света и тепла
Жизнь нам вместе принесла.*

*Через множество годов
У меня рецепт готов:
Будут светлыми года,
Если вместе быть всегда —*

*Вместе в холод, вместе в зной,
Вместе в дождик проливной;*

шиеся люди тянулись к ней. Приезжая из разных стран и континентов, они обязательно собирались, встречались с ней, и она получала от этих встреч — с объятиями, цветами, поздравлениями, воспоминаниями — огромное удовольствие.

После возмутительного расформирования в 1980 г. под надуманным предлогом этой замечательной школы Берта работала в школе № 43, а потом, с 1993 г., в одной из самых лучших школ города — гимназии № 2 с углублённым изучением иностранных языков.

В этой сугубо гуманитарной гимназии Берта, заведующая кафедрой естественно-математических наук, смогла поставить изучение математики достаточно высоко. Её ученики занимали призовые места на олимпиадах разного уровня, успешно поступали в самые престижные вузы, в том числе и на факультеты математического профиля.

Авторитет Берты был высок не только в гимназии. Много лет она руководила объединением учителей математики Жовтневого, а затем и укрупнённого Приморского района, где проводила с ними большую методическую работу.

Берта была бессменной участницей (а иногда — фактическим руководителем) жюри районных, городских и областных олимпиад по математике, конкурсов "Учитель года", активно сотрудничала с отделом математики Института усовершенствования учителей, занималась Малой академией наук при госуниверситете.

Она была награждена Почётным знаком отличия одесского городского головы "Трудовая слава", Почётным знаком председателя Одесской облгосадминистрации. Ей были присуждены звания "Отличник образования Украины" и "Лучший педагогический работник Одессы".

Учитывая большое количество её выпускников, занимавших престижные места на международных и республиканских олимпиадах по математике, ставших докторами и кандидатами наук, написавших монографии и учебники, а также принимая во внимание её собственные оригинальные методические разработки, Берта дважды была удостоена международных грантов Джорджа Сороса.

Но всё это — внешняя атрибутика, хотя и свидетельствующая о её заслугах. Не менее, а возможно, и более важно отношение к ней коллег и учеников. Выпускники все годы приходили к ней и в школу, и домой с разными своими делами — и радостями, и проблемами. Они докладывали, как и в какой институт поступили, советовались по самым разным вопросам, приводили невест (женехов почему-то реже), приводили в колясках новорожденных детей, приносили написанные работы, книги и авторефераты диссертаций. Наконец, приводили к ней учиться своих детей. И так было в течение всех пятидесяти лет её работы.

Когда одна из её любимых учениц Ольга Цейтлин написала школьный учебник по математике, первым придирчивым критиком и внимательным редактором (не официальным, а фактическим) была Берта.

Со своими семейными и этическими проблемами часто шли к ней не только ученики и выпускники, но и их родители и коллеги по работе, причём не только из её гимназии.

Берта была прекрасной женой, замечательной матерью и бабушкой, дождалась правнука и с удовольствием участвовала в праздновании, когда ему исполнился год.

Думаю, что такой авторитет Берты был не случаен. Она была неординарным человеком и сильной личностью, сформировавшей себя сама и подтвердившей это всей своей жизнью.

В двухлетнем возрасте она была вывезена под бомбежкой из Одессы 26-летней матерью-врачом. Отец Берты Е.Ш. Кельштейн, хирург, имевший бронь из-за болезни сердца, в первые дни войны добровольно ушёл на фронт, считая, что хирург должен быть там. Он погиб в 1941 г. под Вязнесенском, спасая в полевом госпитале тяжело раненого, истекавшего кровью на операционном столе во время налёта немецкой авиации.

Хирург приказал ассистировавшим ему медикам уйти в укрытие, а сам остался заканчивать операцию, чтобы не допустить смерти больного. Когда налёт закончился, вернувшись медики обнаружили ещё не вышедшего из наркоза больного с остановленным кровотечением, а хирург лежал на полу мёртвым без видимых внешних повреждений. Просто отказало сердце; не зря он имел бронь.

С юности Берта хотела стать учителем. Окончив школу с медалью, она подала документы в пединститут, но не прошла собеседование. Отказавшись от реальной возможности поступить в том же году без экзаменов в технический вуз, она стала работать упаковщицей готовой продукции на фабрике биогенных стимуляторов.

В следующем году она вновь подала документы в пединститут, поступила и была там одной из лучших студенток. Так что целеустремлённость смолоду была одним из её ярких качеств.

Берта всегда была лидером: председателем совета пионерского отряда, вожатой,

членом комитета комсомола школы, членом комсомольского бюро факультета. Главные черты Берты-лидера — принципиальность и неравнодушие к людям и порученному делу. Была прямой, иногда бескомпромиссной, но всегда справедливой. Если обстоятельства требовали, могла быть жесткой, хотя это бывало нечасто.

А в обычной жизни это был добрый (но не добренький!), отзывчивый, дружелюбный человек. Ответственность и требовательность проявляла в первую очередь по отношению к самой себе. Доброта часто маскировалась внешней твердостью, но самоотверженность видна была невооруженным глазом.

Берта прожила непростую жизнь. Ей пришлось пережить трагическую смерть любимого младшего брата, тяжелые и длительные болезни самых близких ей людей и многие другие горести. Но она всегда оставалась верной себе, своим жизненным принципам, своему характеру, не допуская фальши, нечестности, эгоизма.

Последние годы она героически (не побоюсь этого слова) боролась с прогрессирующей неизлечимой болезнью. Очень поддерживала её в этой борьбе увлеченность работой, без которой она себя не представляла. Еще в первой половине июля этого года она две недели замещала директора гимназии, потому что еще весной обещала дать ему возможность поехать в санаторий, и запретила нам говорить коллегам об обострении своей болезни. А она уже ходила с большим трудом...

Мечтала первого сентября выйти на работу, чтобы выпустить два любимых одиннадцатых класса, которые вела до этого два года.

По отношению к членам семьи и самым близким друзьям она проявляла наряду с огромной любовью настоящее самопожертвование, большую заботу и ответственность. Берта регулярно напоминала и требовала вовремя пойти к врачу, провести обследование, необходимое лечение и обязательно это контролировала.

Из последних сил она занималась приобретением подарков ко всем нашим знаменательным датам и организовывала их празднование.

Занималась с детьми и внуками наших друзей, готовила их к поступлению в институты, помогала в занятиях, переживала за устройство их личной жизни. Во многом благодаря Берте очень близко дружим не только мы, но и наши дети и внуки; другое такое уникальное сообщество мне неизвестно. В сущности, мы давно стали одной семьей, хоть большинство из нас — не кровные родственники.

Когда Берта попала в реанимационное отделение, она понимала, что каждый день может быть последним. А в эти дни должна была появиться на свет правнучка наших самых близких друзей, сына и двух внуков которых она не только учила, но и справедливо считала своими детьми. Каждый день, приходя ненадолго в сознание, она спрашивала, родилась ли девочка. Казалось, она не хотела, чтобы день её ухода совпал с днем рождения ребёнка. Берта дождалась этого радостного события и умерла только на следующий день. Скажете — мистика? Может быть, не знаю. Но точно — сильная воля и привычка заботиться о близких.

24 августа 2012 года Берты Ефимовны Гаузер не стало. Попрощаться с ней во двор гимназии пришли несколько сотен человек — родных, друзей, коллег, выпускников, учеников и их родителей. Как говорили потом многие из них, такого искреннего, многослюдного и трогательно оформленного прощания люди не помнят. Большинство присутствовавших плакали; завул гимназии, выступавшая от имени коллектива, от слёз не могла говорить. Рыдали и дети, и взрослые. Я видел, как шестидесятилетний мужчина, бывший ученик

Берты, сын и дочь которого тоже учились у неё, плакал навзрыд.

Многие выступавшие говорили, что смерть Берты Ефимовны — потеря не только для гимназии, но и для всего города, так много добра она сделала для очень многих людей.

По телефону и Интернету со мной связывались и выражали соболезнования десятки друзей и родственников из разных стран и континентов. По образному выражению одного из её выпускников, "Интернет гудел". Казалось, весь мир скорбил об её уходе.

Не хочется заканчивать этот рассказ на такой грустной ноте.

Берта любила жизнь и умела радоваться ей — не восторгаться шумно и эмоционально, а именно радоваться, и это выражали, прежде всего, её глаза. Я видел их в течение всей нашей долгой жизни: когда в Крыму, на перевале у Чатыр-Дага, мы неожиданно вышли к небольшой полянке, сплошь усеянной мелкими фиалками; когда тихо пели у догорающего костра (она сама не пела никогда) и смотрели на перебегающие по углям огоньки; когда плыли на лодке по протокам и озёрам Игнарины, среди белых лилий и кувшинок; когда сидели среди сосен на песчаных дюнах в тихих немногочисленных местах на Рижском взморье; когда ранним утром после случайной ночёвки на опушке леса она откинула полог палатки и обнаруживала на траве капельки росы; когда мы любовались Ленинградом в белые ночи, или деревянными храмами в Кижях, или волжскими плёсами; или часами гуляли по лесу, собирая багряные листья; или сидели на берегу Днестровского лимана и смотрели на заходящее солнце, или перебирали кусочки разноцветной яшмы в Сердоликовой бухте под Кара-Дагом; или смотрели с перевала на подёрнутые дымкой предвечерние Карпаты. Об этом можно вспоминать бесконечно.

Её глаза — первое, что я видел, выходя из наркоза на больничных койках после нескольких операций в разные годы.

Вспоминаю её глаза, когда она смотрела на первые шаги нашей дочери, потом — внука, а совсем недавно — уже в этом году — правнучка.

А когда общалась с друзьями — в застольях, которые с удовольствием и выдумкой организовывала, в многочисленных поездках, в нескончаемых разговорах на самые разные темы, она преобразилась и становилась опять другой, оставаясь при этом всегда самой собой — нашей Бертой. Моей Бертой...

Жизнь продолжается, придут новые молодые учителя, которые будут учить детей, а потом их выпускники будут приводить к ним своих детей.

Каждый год 1 сентября будет проводиться торжественная линейка, которая всегда была для Берты волнующим событием. А весной будут праздновать последний звонок, и маленькая девочка с огромным бантом будет радостно трезвонить колокольчиком на плечах рослого выпускника. И будут выпускные вечера, организации которых Берта отдавала столько душевных сил. И новые поколения будут встречать восход солнца...

Берта будет жить в памяти нашей замечательной дочери Лены — прекрасного врача, много лет продлевавшей её жизнь и облегчавшей её последние дни. О ней всегда будут тепло вспоминать трепетно любивший её внук Павел и все наши дорогие друзья разных поколений. Когда подрастёт наш правнук, ему тоже расскажут о прабабушке Берте.

Наверное, я, как муж, необъективен и что-то преувеличил. А может быть, недосказал, и люди, знавшие Берту, смогли бы дополнить мой рассказ другими словами, мыслями, чувствами.

Уверен в одном: Берта будет жить в наших сердцах и сердцах многих других людей столько, сколько будем жить мы. А значит, и её жизнь продолжится.

Мария ГУДЫМА

"Ваши плечи каррарского мрамора..."

Спасибо Одесскому муниципальному музею личных коллекций, организовавшему проект "Моя молодая бабушка", к которому я радостно прикинула, принесла несколько старых фотографий и сумочку-ридикюль. Одесские бабушки поистине достойны быть представленными в музеях, это поняли все, кто посетил экспозицию в нынешнем мае — июне. Признаться, я никогда не видела мою бабушку молодой — она родила мою маму достаточно поздно и была уже старенькой, впрочем, далеко не дряхлой, а крепкой и статной. Ее коронное блюдо, пирог "Кольцо", который сотворила она из брусков вареного крема (да-да!) в форме "Чудо" на примусе, а затем на электроплитке в коммунальной квартире без кухни, по вкусу превосходил любые бисквиты. А еще он был красив, как и она сама.

Я никогда не видела и, думаю, уже не увижу женщину, превосходящую красотой мою бабушку в молодости. Мраморные плечи, идеальной формы подбородок, крупные изогнутые губы, прямой носик, каштановые слегка выющиеся волосы, глаза серые в карюю крапинку (как у голливудской звезды Милы Йовович) — словами это уникальное сочетание черт, сложившихся в идеальный типаж женщины двадцатых — тридцатых годов, не передать. Передают несколько пожелтевших, но зато отменного качества старых фотографий. Их мало. Другая бы на ее месте только и делала, что фотографировалась. Или даже вообще стала бы кинозвездой. Но моя бабушка никогда не делала ставку на свою внешность, может быть, напрасно...

Обладая телом античной лепки, она получила греческое имя — Лидия. Лидия Андреевна Демишкан. Родилась в 1901 году, прожила 83 года, как все в нашем роду. Имя греческое, а греческих кровей не было, хотя могли бы быть, ведь к прабабушке Мане, Марии Ивановне Тесличенко сватался богатый грек-купец, но ведь она предпочла прадедушку Андрея Саввича Демишкана, простого вдовца-счетовода с дочерью от первого брака. Вот аристократическая красота у их пятерых детей была именно от него. В крахмальном воротничке и с подкрученными пушистыми усами он смотрелся, как Мопассан, только лучше. По его словам, в нашем роду были французы.

Если бы бабушку Лиду отдали в гимназию, она бы выучила язык своих предков. Но, увы, в гимназию отдали ее старшую сестру, а на нее как-то денег не хватало, а потом и революция грянула. Прабабушка Маня продавала вначале вышитые скатерти из своего приданого, потом свои платья, потом вещи детей, и в самую последнюю очередь — костюмы мужа. Дети с малых лет старались ей помочь, бабушка Лида, здоровая, крепкая и работящая, батрачила у зажиточных евреев и вместо французского в совершенстве выучила идиш. Разговорный, разумеется. Порусски она едва умела читать. Однако знала, как отшить назойливого кавалера, сообщив ему, что он герой не ее романа. А вообще-то речь у нее была, как у бабелевского персонажа: "билё", "веровка", "имейте человечество" и так далее... Еще одно ее крылатое выражение: "Подмыться им до меня (него, нее, них — ненужное зачеркнуть, — М. Г.)". Так вот, всем этим хваленным кинозвездам двадцатого века с их фальшивой красотой и фарфоровыми зубами подмыться было до моей бабушки! Просто она всегда оказывалась не в тех местах и не в то время.

В браке с не менее красивым, но гораздо более коварным дедушкой Петей, Петром Ильичом Гудымой, бабушка родила двух красавиц-дочерей, моих тетю Валю и маму Лену. Причем маму рожала она во время оккупации, дома, без врачей, при помощи соседки. Чтобы прокормиться, убирала и готовила, в том числе и для оккупантов, пусть за это краснеют те, кто дал приказ оставить Одессу с беззащитными беременными женщинами. Продавала все, что успела нашить, в том числе и лисью горжетку, оставшуюся только на одной из фотографий.

Дедушка с войны в семью не вернулся, так что хлебнула по полной. Более того — дед

отказался признавать себя отцом моей мамы со всеми вытекающими отсюда печальными обстоятельствами, и это при том, что мама похожа на него до смешного, и генетической экспертизы не надо. Впрочем, справедливость в какой-то степени восторжествовала: буквально перед своей смертью дед сделал попытку примирения, бросился к маме при куче родственников, называл доченькой, но она так и не смогла шагнуть ему навстречу, ей казалось, это будет предательством бабушкиной памяти... Легко говорить, что надо уметь прощать, но как понять человека, угрожавшего жене с двумя дочками сдать ее в сигуранцу, если она будет настаивать на алиментях? А именно так дед Петя прореагировал на бабушкины просьбы, когда она во время оккупации встретила его, вроде бы ушедшего на фронт, в рыбном ряду "Привоза" с новой супругой (дед был рыбаком и продавал улов). Так что дедушке спасибо за гены, и пусть покоится с миром, он сам себя наказал за совершенное. О нем более ни слова.

А бабушка трудилась банщицей много лет, в уже не существующей бане на Гаванной, у самого спуска, там мылся практически весь центр города. И мрамор ее плеч соперничал с мрамором уникальных ванн (где они теперь, эти ванны?), которые досила она до блеска. А однажды зимой поскользнулась на льду и сломала правую руку. По большому счету в конце сороковых не платили, так что пришлось продать из дома все до последней табуретки. И, разумеется, несколько красивых креп-жоржетовых и кашемировых платьев, которые успела себе справиться после войны. А больше нарядов у нее не было. И мужей тоже. Видно, любила своего Петю крепко (ну снова о нем, из песни слова не выкинешь), поскольку до конца жизни вспоминала его, называя не иначе, как "этот гнусный паразит". Ну сколько страсти в этом определении, согласитесь. Память сыграла с ней забавную штуку. Она, бывало, говаривала: "Пришел вечером домой, уложили детей, поужинали, поцеловались, легли спать..." И словно забывала в этот момент, что никогда, ни разу они вместе не укладывали спать ДЕТЕЙ, только старшую дочь Валеньку, мою тетю, появившуюся на свет до войны...

Поскольку бабушка, будучи Скорпионом по Зодику, обожала все натуральное, добротное, до меня дошла ее сумочка-ридикюль из натуральной кожи, купленная в пятидесятых. Слегка потертая, еще хранящая тепло бабушкиных рук, эта сумочка иногда бывает со мной в театрах. И в экспозиции музея Блещунова побывала. Может быть, кто-то посмеется над таким наследством, но что до этого мне, внучке самой красивой женщины на свете?

Бабушка с внуком